

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-101-113

СИТУАТИВНЫЕ КЛИШЕ В ВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ

Суркова Е. В.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.03.2025

Принята к публикации 18.03.2025

Аннотация

Цель. Классификация ситуативных клише военной сферы коммуникации в соответствии с их коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Процедура и методы. Ситуативные клише отобраны методом корпусного анализа из военных уставов России и США. Ключевым исследовательским методом стал фразеологический анализ. В работе также нашли применение сопоставительный метод, методы лингвокультурологического, контекстуального, историко-этимологического и дискурсивного анализа.

Результаты. Создана классификация ситуативных клише военной сферы коммуникации по функциональному критерию. Установлена полифункциональность ситуативных клише в военной коммуникации и выявлена диспропорция в представленности единиц различной функциональной направленности. Доказан градуальный характер идиоматичности военных ситуативных клише. Выявлено национально-культурное своеобразие военных ситуативных клише на уровне языковой репрезентации при единстве прагматических функций.

Теоретическая и практическая значимость заключаются в разработке функциональной типологии ситуативных клише военной коммуникации. Результаты исследования могут быть использованы в теории и практике военного перевода, межкультурной коммуникации, а также в лексикографической практике.

Ключевые слова: военная фразеология, идиоматичность, институциональный дискурс, национально-культурная специфика, ситуативные клише

Для цитирования:

Суркова Е. В. Ситуативные клише в военной коммуникации: функциональный аспект и идиоматичность // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 101–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-101-113>

Original research article

SITUATIONAL CLICHÉS IN MILITARY COMMUNICATION: FUNCTIONAL ASPECT AND IDIOMATICITY

E. Surkova

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

Received by the editorial office 14.03.2025

Accepted for publication 18.03.2025

Abstract

Aim. To classify situational clichés of the military sphere of communication according to their communicative-pragmatic potential.

Methodology. Situational clichés were selected by corpus analysis from Russian and US military manuals. Phraseological analysis was a key research method. The comparative method, methods of linguocultural, contextual, historical-etymological and discourse analysis were also used in the work.

Results. The classification of situational clichés of the military sphere of communication by functional criterion was created. The polyfunctionality of situational clichés in military communication is established and the disproportion in the representation of units of different functional orientation is revealed. The degree character of idiomaticity of military situational clichés is proved. The national and cultural uniqueness of military situational clichés at the level of linguistic representation at the unity of pragmatic functions is revealed.

Research implications. Theoretical and practical significance lies in the development of a functional typology of situational clichés of military communication. The results of the study can be used in the theory and practice of military translation, intercultural communication, as well as in lexicographic practice.

Keywords: military phraseology, idiomaticity, institutional discourse, national-cultural specificity, situational clichés

For citation:

Surkova E. V. (2025). Situational clichés in military communication: functional aspect and idiomaticity. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 101–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-2-101-113>

Введение

Военная коммуникация представляет собой особую сферу речевого взаимодействия, характеризующуюся высокой степенью формализации и ритуализации [1; 2]. Исследование специфики коммуникации в военной среде невозможно без обращения к особой группе слов и словосочетаний, использование которых регламентируется текстами официально-деловой документации, составляющей основу ежедневного общения военнотру-

жащих, – этикетных формул и военных команд.

Цель данного исследования заключается в классификации ситуативных клише военной сферы коммуникации в соответствии с их коммуникативно-прагматическим потенциалом. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) выявить и систематизировать ситуативные клише в военной коммуникации русского и английского языков; 2) классифицировать отобранные

единицы по функциональному критерию; 3) определить степень идиоматичности военных ситуативных клише; 4) установить национально-культурные особенности военных ситуативных клише.

Анализ научной литературы по проблеме показывает, что фразеология военной сферы традиционно изучается преимущественно в аспекте терминологической номинации [3; 4; 5], что обуславливает актуальность изучения коммуникативно-прагматического потенциала устойчивых выражений, реализующих определённые речевые интенции. Актуальность работы также определяется необходимостью преодоления методологической фрагментарности исследований военной фразеологии посредством разработки интегративного подхода, синтезирующего достижения фразеологии, прагмалингвистики, лингвокультурологии и дискурсивного анализа для изучения полифункциональных единиц военного дискурса.

Теоретико-методологическую базу исследования составили концепции отечественных и зарубежных учёных, разрабатывающих проблемы теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Н. И. Формановская) и фразеологии (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, И. А. Мельчук, В. Н. Телия, Р. Глэсер, Ф. Кулмас, Х. Люгер).

Материалом исследования послужили ситуативные клише, отобранные методом корпусного анализа из текстов воинских уставов России и США, а также из исторических документов для анализа эволюции клише. Ключевым исследовательским методом стал фразеологический анализ, позволивший выявить особенности компонентного состава и семантики анализируемых единиц. Сопоставительный метод применялся для выявления универсальных и национально-специфических черт ситуативных клише в русском и английском военных подъязыках. Для определения источников происхождения и эволюции клише использовался исто-

рико-этимологический анализ. Функциональный анализ позволил классифицировать клише на основе выполняемых ими коммуникативно-прагматических функций. Лингвокультурологический подход применялся для выявления национально-культурных особенностей ситуативных клише как отражения этнической языковой картины мира. Дискурсивный анализ помог рассмотреть клише в контексте институционального военного дискурса. Прагмалингвистический анализ обеспечил изучение коммуникативного потенциала устойчивых выражений в военной коммуникации.

Динамично развивающееся направление фразеологических исследований представляет изучение т. н. «повседневных формул» (*routine formulae*, от англ. *routine* 'рутина, повседневность, обыденность, заведённый порядок, обычный порядок') – синтаксически автономных словосочетаний, связанных с определённой ситуацией взаимодействия [6; 7, S. 445].

В концепции И. А. Мельчука в рамках теории «Смысл ↔ Текст» всё множество фразеологизмов разделяется на семантические и прагматические фраземы [8]. В основе типологии лежит параметр вовлечённости прагматики во фразеологизацию (ситуация обязывает / не обязывает к употреблению данного выражения [9, с. 301]).

В. Н. Телия, хотя и отмечает «внефразеологичную» природу различного рода «речевых заготовок», или клише, объясняемую скорее исключительным, а не регулярным характером представленности в их составе семантически переосмысленных компонентов [10, с. 71–72], относит анализ словосочетаний данного типа к сфере исследования Фразеологии-3 – раздела лингвистики, изучающего клишированность речи во взаимодействии с теорией речевых актов и культурой речи [10, с. 75].

Делая акцент на зависящей от ситуации устойчивости, определяющей включение словосочетаний в состав фра-

зеологизмов, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют в своей типологии ситуативные клише [11, с. 91]. Авторами отмечается ритуализованный, определяемый традицией, этикетом и формальными установлениями характер ситуативных клише – «слабоидиоматичных или неидиоматичных словосочетаний, фразеологичность которых определяется устойчивостью и прежде всего прямой зависимостью от правил, действующих в конкретной ситуации» [11, с. 92].

Функциональная типология ситуативных клише в военной коммуникации

Ситуативные клише в военной коммуникации устанавливаются воинскими уставами, являются обязательным элементом воинской дисциплины во всех армиях мира, характеризуются высокой степенью конвенциональности и строгой функциональной направленностью.

Идиоматичность ситуативных клише сомнительна и в лучшем случае сильно ослаблена [11, с. 91]. Применительно к военной коммуникации к слабоидиоматичным клише можно отнести этикетную формулу *служу России*, представляющую собой ответную реплику военнослужащего на поздравление или благодарность, значение которой не идентично сумме значений входящих в неё слов, т. е. отличается некоторой идиоматичностью.

Рассмотрим ситуативные клише военной коммуникации по типологии, предложенной Р. Глэсер. В своём исследовании английской фразеологии лингвист классифицирует «рутинные» формулы на основании выполняемых высказываниями функций – фатической, экспрессивной, когнитивной и директивной [12].

Фатическая функция ситуативных клише предполагает установление, поддержание и завершение контакта между участниками ситуации общения и включает формулы приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, осведомления о состоянии дел.

Так, например, фатическая функция в русском и английском военных подъязыках реализуется в ситуативных клише-запросах на коммуникацию *Разрешите обратиться? Permission to speak?* Состав высказывания строго регламентирован и не допускает изменения компонентов.

Рассмотрим примеры из воинских уставов Российской Федерации и США, регламентирующие употребление в военной коммуникации ситуативных клише, выполняющих фатическую функцию приветствия и прощания:

На приветствие начальника или старшего («Здравствуйте, товарищи») все военнослужащие, находящиеся в строю или вне строя, отвечают: «Здравия желаем»; если начальник или старший прощается («До свидания, товарищи»), то военнослужащие отвечают: «До свидания». При этом добавляются слово «товарищ» и воинское звание без указания слов «юстиции» или «медицинской службы»¹;

The junior person shall salute first. Accompanying the rendering of the hand salute with an appropriate greeting such as, “Good Morning, Sir” or “Good Morning, Ma’am” is encouraged².

В военном дискурсе как виде институционального дискурса, характеризующегося статусно-ролевыми отношениями коммуникантов [13; 14], ситуативные клише отражают строгую иерархичность военной коммуникации. Как в русском, так и в английском военном подъязыке к формулам приветствия / прощания добавляются принятые в армейском со-

¹ Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8 (дата обращения: 12.02.2025). Далее – Устав внутренней службы ВС РФ.

² Army Regulation 600–25. Salutes, Honors, and Courtesy / Headquarters Department of the Army (Washington, DC, 10 September 2019) [Электронный ресурс]. URL: https://alu.army.mil/officers/bold/docs/AR_600-25.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

циуме формы обращения базовой пары статусно-неравных участников коммуникации «командир – подчинённый» – рус. *товарищ*, англ. *sir / mam*.

При единстве прагматических функций военные ситуативные клише демонстрируют национально-культурное своеобразие на уровне языковой репрезентации. Это объясняется тем, что формулы, с одной стороны, отражают универсальные принципы организации военной службы, а с другой – несут отпечаток этнической языковой картины мира и культурных традиций конкретного народа.

Так, если в английском военном подязыке клише приветствия и прощания не отличаются от общепринятых в социуме и включают лишь добавление выражения иерархических отношений (*Good morning / afternoon / evening, sir / mam!*), то в русских формулах прослеживаются давние исторические традиции.

Этнически русские военные ситуативные клише приветствия и прощания сохраняют и традиции Российской империи. Так, формула приветствия *здравия желаю* регламентируется ещё «Правилами воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд» 1884 г.¹ и, в отличие от отменённых после Февральской революции 1917 г. клише прощания *счастливо оставаться* и благодарности *рад стараться, покорно благодарю*, до сих пор используется в русской военной коммуникации, отражая её историческую преемственность.

Интерес представляет ситуативное клише прощания, принятое в современной российской армии: «*В повседневной жизни офицерам ... при прощании друг с другом допускается вместо слов "до свидания" говорить "честь имею"*»².

Клише *честь имею* представляет собой нестандартное «заимствование» XVIII–XIX вв. в современной военной

коммуникации: выражение не встречается в текстах воинских уставов и наставлений тех лет, однако активно употреблялось в официально-деловой речи военными в сочетании с глаголами (*честь имею представить / сообщить / донести* и т. д.), доказательством чему служат многочисленные примеры из писем, докладов и рапортов:

«*При сем же донести **честь имею**, первая партия с рекрутами на сих днях пришла в Севастополь, которые и распределены мною по судам*»³;

«*При сем **честь имею** представить ведомость о потере нашей в сей кровопролитный день и списки всем отличившимся чиновникам, представленные ко мне от корпусных командиров*»⁴.

В военной среде комплексное морально-этическое понятие чести, включающее личное достоинство, верность долгу, благородство поступков и безупречную репутацию, приобрело характер профессионально-этической доминанты, определяющей поведение офицера как в служебной, так и в частной жизни.

О центральном положении понятия «честь» в русской языковой картине мира свидетельствуют как концентрация фразеологизмов с компонентом «честь» (*отдавать честь, поле чести, быть (не) в чести, в честь, выйти с честью, делать честь, оказать честь, пора и честь знать, считать за честь* и др.), так и сохранение ситуативного клише-прощания *честь имею* в современной военной коммуникации, отражающее самоидентификацию военнослужащего как носителя особых морально-этических качеств.

Критически важным для военной коммуникации является обеспечение точности передачи информации и под-

¹ Правила воинского чинопочитания и отдания чести отдельными лицами и в составе команд. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1884. 29 с.

² Устав внутренней службы ВС РФ.

³ Ушаков Ф. Ф. Письмо Г. А. Потемкину о вероятных намерениях турок и о предполагаемых действиях черноморского флота (1789.07.27) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.02.2025). Далее – НКРЯ.

⁴ Барклай-де-Толли М. Б. Донесение М. И. Кутузову (1812) // НКРЯ.

тверждение её получения, что обуславливает употребление в речи и закрепление в уставах ситуативных клише, выполняющих когнитивную функцию согласия / несогласия и подтверждения.

Когнитивные формулы в военном дискурсе характеризуются высокой степенью однозначности и чёткости выражения позиции говорящего. Выражению согласия и несогласия служат ситуативные клише, имеющие общую прагматическую основу и специфическое языковое воплощение. Так, в английском военном подъязыке согласие / несогласие выражается формулами *Yes, Sir/Ma'am / No, Sir / Ma'am, Affirmative*, в русском – *точно / никак нет*.

Ситуативные клише в военной коммуникации обеспечивают обратную связь и верификацию понимания приказов и распоряжений. Для подтверждения получения приказа в США и Великобритании используются формулы *wilco!* и *roger that!* Оба клише возникли в военной радиокommunikации, в которой требуется максимальная краткость передаваемых сообщений: *wilco* является результатом сокращения английского выражения *will comply* ('будет исполнено'), *Roger that* – от принятого в фонетическом алфавите НАТО обозначения буквы R (*received* 'получено'). Стоит отметить, что в современной массовой культуре, особенно в кинематографе и компьютерных играх, эти формулы стали своеобразными маркерами военного дискурса, часто используемыми для создания атмосферы профессиональной военной коммуникации.

Функцию подтверждения и беспрекословного перехода к исполнению приказа в русском военном дискурсе выполняет клише *есть*:

*Приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Военнослужащий, получив приказ, отвечает: «Есть!» – и затем выполняет его*¹.

¹ Устав внутренней службы ВС РФ.

Клише представляет собой заимствование петровской эпохи из английского языка (*Есть!* от англ. *Yes, sir!* как готовность к немедленному выполнению приказа²). Н. М. Шанский переформлирование английского *yes* в русское *есть* связывает с употреблением в русском языке XVI–XVII вв. устойчивого выражения *есть будет* и приводит пример цитаты из документов посольства стольника Толочанова и дьяка Иелева в Имеретию 1650–1652 гг.: «... И митрополит сказал: **Есть будет** *ц-ое в-во. К Олександру царю и к католикосу отпишет, и тое ц-го в-ва повеление исполнят*»³. Таким образом, междометие *есть* представляет собой скрещение английского заимствования *yes* и русского *есть* из устойчивого сочетания *есть будет* 'хорошо, согласен'.

Преимственность традиций в русских военных ситуативных клише проследивается и в следующем выражении: «В повседневной жизни офицерам разрешается применять утвердительное выражение “слово офицера”»⁴.

Выражение *слово офицера* представляет собой ещё один пример традиционно для российской армии периода XVIII–XIX вв. клише, отражающего специфику национального понимания офицерской чести и морально-этических норм военного сословия. В русской военной культуре «слово офицера» приравнивалось к священной клятве и рассматривалось как абсолютная гарантия истинности сказанного. Нарушение данного слова влекло за собой не только моральные, но и социальные санкции, вплоть до исключения из офицерского сообщества. Формула функционировала как маркер принадлежности к офицерскому корпусу и под-

² См.: *Есть!* // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 / пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева; под ред., предисл. проф. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1968. С. 29.

³ См.: Шанский Н. М. В мире слов: пособие для учителей; 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1978. С. 195–196. Далее – Шанский Н. М. В мире слов.

⁴ Устав внутренней службы ВС РФ.

чёркивала особый статус офицера как носителя высших морально-этических качеств:

«Хорошо, поезжай, но, смотри, только с родными ... – сказал князь. Слово офицера, ваша светлость ... Хорошо, говорю, поезжай, но если ...»¹;

«Ну, слово лицеиста, должно быть, вам не менее свято, как нашему брату слово офицера: Бог вам на сей раз судья – расходитесь!»².

В коммуникативном плане формула выполняла функцию максимального усиления достоверности высказывания и, в отличие от других формул заверения, не требовала дополнительных подтверждений или свидетелей.

В современном русском языковом сознании данная формула сохраняет коннотацию высшей степени обязательства и честности, хотя и утратила свою изначальную институциональную функцию. Она остаётся значимым элементом культурной памяти, отражающим представления о чести, долге и моральных обязательствах в русской военной традиции.

Экспрессивную функцию выполняют ситуативные клише, представляющие собой формулы извинения, удивления, восторга, сожаления, упрёка, проклятия и т. д. К примерам таких клише в военной коммуникации, принимая во внимание полифункциональность многих формул, можно отнести ответ на поздравление российских военнослужащих, находящихся в строю, протяжным троекратным *Ура!*

В воинских уставах наблюдается значительная диспропорция в представленности ситуативных клише различной функциональной направленности. Минимальное количество формул, реализующих экспрессивную функцию, обусловлено рядом институциональных и прагматических факторов, среди которых нежелательность эмоциональной

окрашенности военной коммуникации, которая может препятствовать чёткому выполнению служебных задач, приоритет объективности и нейтральности в передаче информации над выражением личного отношения или эмоционального состояния коммуникантов, необходимость минимизации субъективного фактора для обеспечения единообразия понимания и исполнения приказов и институциональный характер военного дискурса, предполагающий деперсонализацию коммуникации и редукцию личного начала.

Наиболее представленными в военной сфере коммуникации выступают ситуативные клише, выполняющие директивную функцию, – команды и приказы.

Директивные ситуативные клише в военной коммуникации

С позиции теории речевых актов военные команды – это особый тип директивных (побудительных) высказываний с высокой степенью перлокутивной эффективности. Их иллокутивная сила характеризуется безусловным и немедленным выполнением приказа, чёткой регламентацией действий подчинённого и минимизацией вербальной и когнитивной нагрузки. С прагматической точки зрения военные команды представляют собой категорический императив, они максимально лаконичны, жёстко структурированы и исключают двусмысленность.

С лингвистической точки зрения военные команды – неоднословные устойчивые конструкции, характеризующиеся семантической спаянностью компонентов. На основании функции, выполняемой словосочетаниями данного типа в военной коммуникации, обозначим их *директивными ситуативными клише*.

На первый взгляд, директивные ситуативные клише в военной коммуникации представляют собой неидиоматичные словосочетания, фразеологичность которых определяется прежде всего устойчивостью. Действительно, ряд во-

¹ Гейнце Н. Э. Князь Тавриды (1898) // НКРЯ.

² Авенариус В. П. Юношеские годы Пушкина (1888) // НКРЯ.

енных команд не обладает признаками идиоматичности – их значение мотивировано и не вызывает трудностей с интерпретацией (например, команда *Стать в строй!*, которая подаётся для возвращения военнослужащего в строй, команды *К торжественному маршу...!*, *Предохранитель – ставь!*, *Штык-нож отомкнуть / примкнуть!* Ср. англ. – *fix bayonets* ‘примкнуть штыки’, *open ranks* ‘разомкнись’, *right step* ‘шаг вправо’, *at my command* ‘слушай мою команду’).

В ряде случаев определённые затруднения в интерпретации могут быть вызваны лаконичностью военных команд, детерминированной комплексом объективных факторов военной деятельности: необходимостью минимизации временных затрат на передачу информации в условиях боевых действий, корректного восприятия команды адресатом в условиях повышенного шумового фона, характерного для боевой обстановки, стандартизации и унификации, исключающей возможность многозначности.

Так, военные команды для строевых приёмов с оружием включают выражения, в которых редуцирована, но подразумевается часть высказывания «взять оружие» *на грудь, на ремень, к ноге, на плечо, за спину*. Сходным образом команда *к бою* подразумевает целый комплекс мероприятий по подготовке к ведению стрельбы (ср. *По команде «К БОЮ!» взять оружие в правую руку, сделать полный шаг правой ногой вперед и немного вправо, одновременно наклонить корпус вперед, опуститься на левое колено и поставить левую руку на землю впереди себя пальцами вправо; затем, опираясь последовательно на бедро левой ноги и предплечье левой руки, лечь на левый бок и быстро перевернуться на живот; ноги слегка раскинуть в стороны носками наружу и изготовиться для ведения огня*¹).

Отнесение всех военных команд к неидиоматичным выражениям военного дискурса оказывается отнюдь не бесспорным при детальном анализе языкового материала. Директивные клише в военной коммуникации обнаруживают признаки, по которым можно говорить об их слабой, а в ряде случаев и высокой степени идиоматичности.

Так, команда *eyes right / left* (рус. *равнение направо / налево*) предполагает поворот головы, поэтому значение этого выражения не идентично простой сумме значений входящих в него слов, т. е. отличается некоторой идиоматичностью.

Американская военная команда *double time, march* представляет собой усложнение способа указания на денотат – выражение, существующее в языке наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности [15, с. 12]. Команда *Double time, march!*, дословно обозначающая «Двойным шагом, марш!», подразумевает бег трусцой (англ. *to jog*) в темпе около 180 шагов в минуту. Таким образом, несмотря на существование в языке лексических средств для обозначения того же явления, в военной коммуникации используется усложнённая дескрипция с расширенной формой. В британских ВС используется похожая команда, представляющая собой усложнение способа указания на денотат, но уже в форме редукции: *Double, march!*

Ряд военных команд образованы переинтерпретацией, под которой подразумевается понимание выражения с прямым значением в переносном, связанном с прямым определённым отношением, правилом [15, с. 12]. Например, в предлодениях *«Мы лишились Генерал-Майора Окулова, убитого на месте сражения, а 14-го числа Граф Кутайсов ранен пулей в ногу»*² и *«Итак, могу похвастать, что*

¹ Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103092/f2f6c343b059b2

bb07e11c2fce01ccd3e38ca56f/?ysclid=m9dzkd3xs93611157 (дата обращения: 12.02.2025). Далее – Строевой устав ВС РФ.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году (1839) // НКРЯ.

я первый обучал великих князей ходить в ногу с солдатами по барабану»¹ нога в первом случае используется в прямом значении, а во втором – переинтерпретируется по правилу метонимического переноса и обозначает синхронное движение военнослужащих в строю, при котором все одновременно делают шаг одной и той же ногой, соблюдают одинаковую длину шага, поддерживают единый ритм движения. Образ строится на метонимии: часть тела (нога) представляет всё действие марширования в строю. При этом важно, что внутренняя форма фразеологизма остаётся прозрачной – прямое значение легко считывается и понимается. Вероятно, именно прозрачная внутренняя форма позволила фразеологизму в последующем вторично развить переносное значение, в котором синхронность физического движения стала метафорой для согласованности действий в любой сфере (ср. «В этом смысле “Атомэкспо” идет в ногу с современными европейскими тенденциями»²) и делает возможным образное употребление фразеологизма («Трудно идти в ногу со временем, стоя на коленях»³).

Среди военных команд встречаются выражения, в которых идиоматичность возникает в результате усечения полной формы высказывания. Так, команда *As you were!* ‘отставить’, предполагающая приказ отменить или прекратить выполнение действия, образована редукцией и подразумевает “Return to how you were before I got here!”.

К непрозрачности выражения приводят пропущенные составляющие, которые семантически не исчезают и определяют необходимость проведения дополнительных когнитивных опера-

ций для его интерпретации [15, с. 23]. В русском военном подязыке примером непрозрачности редуцированной формы служит команда «В ружье!»: Для разбора оружия с земли подаются команды «Отделение – К ОРУЖИЮ» и затем «В РУЖЬЕ»⁴.

Выражение образовано в результате редукции фразеологизма *стоять в ружье* ‘стоять в строю с оружием в руках’ (ср. «Все солдаты должны **стоять в ружье**, кроме третьей шеренги, которой приказано будет срубать все близ стоящих деревья ...»⁵), в свою очередь, идиоматичного по фактору переинтерпретации. Отметим, что и в данном случае прозрачная внутренняя форма выражения способствовала его вторичному переосмыслению до обозначения ‘находиться в полной боевой готовности’ (ср. «На отъезде карауле неприятель ночью подъезжал, отчего учинена тревога и вся армия чрез то всю ночь **стояла в ружье**»⁶).

Анализ идиоматичных военных команд открывает их высокую степень национально-культурной специфичности. Идиоматичные директивные клише, в отличие от имеющей универсальный характер военной терминологии при общей тенденции к стандартизации военного дела в современном мире, отличаются национально-культурным своеобразием, отражающим многовековые традиции военной службы.

Причина такого речевого разнообразия, вероятно, кроется в источнике происхождения. Военные команды представляют собой уникальное языковое явление, демонстрирующее редкий пример трансформации разговорных конструкций в строго регламентированные формулы официально-делового стиля. Изначально стихийно сформирован-

¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни. Части 1–2 (1788–1822) // НКРЯ.

² Хализева М. В интересах энергетической стабильности // Наука в России. 2014. № 6. С. 41.

³ Мацанов А. Мастер и подмастерье / Ковчег, № 49 // НКРЯ.

⁴ Строевой устав ВС РФ.

⁵ Радищев А. Н. Офицерские упражнения [перевод книги А. Л. Эльсница с немецкого] (1773–1774) // НКРЯ.

⁶ Волконский М. Н. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского (1752) // НКРЯ.

ные в разговорной речи, отражающие естественные потребности в быстрой и чёткой передаче приказов в боевых условиях, военные команды выступают примером успешной кодификации живой речи без потери её базовых коммуникативных преимуществ.

В России команды были впервые закреплены в Строевом уставе для пехоты армии Петра I, действовавшем на протяжении почти всего XVIII в. без изменений. Например, «приемы ружейной экзерциции» того времени включали команды *подвись мушкет, мушкет на караул, бери за дуло, выступи правой ногой, мушкет на плечо* и т. д.¹ Для перестроения использовались команды *заходи, стройся*, для стрельбы – *прикладывайся, пали* (глагол в повелительном наклонении образован от рус. *палить* ‘стрелять’ и впоследствии трансформирован в военную команду *пли!*²).

В Пехотном строевом уставе, изданном в 1768 г. в период царствования императрицы Екатерины II, военные команды приводятся курсивом и выступают неотъемлемым элементом регламентирующего документа³. Анализ устава демонстрирует высокую степень национально-культурной специфичности военных команд в сравнении с остальными фразеологическими единицами военной коммуникации. Так, в основе военной команды «на караул» – тюркское заимствование *караул* ‘стража’ (от *кара-* ‘смотреть, беречь’) как свидетельство первых столкновений с тюркскими народностями в эпоху Киевской Руси, конфликтов с печенегами и половцами, периода татаро-монгольского нашествия и последовавших за развалом Золотой орды взаимодействий Московской Руси с Казанским,

Астраханским, Сибирским и Крымским ханствами.

Заимствованная лексема использовалась в составе фразеологического оборота *сделать на караул* ‘салютовать кому-либо особым ружейным приёмом’: «Солдат разчел, что ежели ему надобно будет одеться, то он не уснѣет *сдѣлать* Государю ружьем *на караул*»⁴.

Выражение до настоящего времени используется в русском военном подъязыке как команда к выполнению воинского приветствия с карабином: *Выполнение воинского приветствия по команде «Для встречи справа (слева, с фронта), на кра-УЛ» с карабином из положения «к ноге» осуществляется в два приема...⁵*

Национально-культурная специфика выражения очевидна при сопоставлении с аналогичной командой в американском военном подъязыке *present arms!*, которая так же имеет давнюю традицию и была кодифицирована в первом армейском полевом уставе 1779 г. *The Regulations for the Order and Discipline of the Troops of the United States*, составленном американским генералом прусского происхождения бароном Фридрихом фон Штойбеном (Friedrich Wilhelm von Steuben) для систематизации строевых приёмов в армии США.

По данным этимологических словарей, фразеологизм *present arms* (досл. ‘представить, предъявить оружие’) к 1759 г. получил переосмысленное значение для номинации строевого приёма, при котором оружие держится перпендикулярно положению тела стволом против середины груди⁶.

Американский вариант обозначения приёма основан на описании самого дей-

¹ См.: Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: в 2 т. / сост. К. В. Татарников. Т. 1. М.: Русская панорама, 2010. С. 128–133.

² См.: Шанский Н. М. В мире слов С. 198.

³ Пехотный строевой устав. Ч. 1–3. Третьим тиснением. СПб.: Государственная военная коллегия, 1768. 180 с.

⁴ См.: Караул, краул // Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.: Ю. С. Сорокин [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/11/sl1825402.htm> (дата обращения: 14.02.2025).

⁵ Строевой устав ВС РФ.

⁶ См.: Present arms // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=present%20arms> (дата обращения: 14.02.2025).

ствия, и его значение частично мотивировано, в то время как русский полностью идиоматичен на основании переинтерпретации, непрозрачности и усложнения способа указания на денотат. Сопоставительный анализ открывает, что общая прагматическая функция директивного ситуативного клише имеет различное языковое воплощение в американском и русском военных подъязыках, и эти различия национально и культурно детерминированы.

Заключение

Проведённое исследование ситуативных клише военной коммуникации позволяет сделать следующие выводы:

1. В результате анализа военной коммуникации русского и английского языков выявлен и систематизирован корпус ситуативных клише, характеризующихся высокой степенью конвенциональности, устойчивостью и строгой функциональной направленностью.

2. Проведённый анализ ситуативных клише военной коммуникации позволяет констатировать их полифункциональность и высокую степень прагматической обусловленности. Фатические, когнитивные, экспрессивные и директивные функции данных фразеологических единиц в военном дискурсе реализуются с различной степенью интенсивности, что обусловлено спецификой институциональной коммуникации в военной среде.

3. Анализ идиоматичности военных ситуативных клише продемонстрировал их градуальный характер: от неидиоматичных и слабоидиоматичных клише до высоко идиоматичных единиц. Идиоматичность директивных ситуативных клише обусловлена факторами переинтерпретации значения, непрозрачности

выводимости и усложнения способа указания на денотат.

4. Сопоставительное исследование ситуативных клише в русском и английском военных подъязыках выявило их национально-культурное своеобразие на уровне языковой репрезентации при единстве прагматических функций, что свидетельствует об их двойственной природе как универсальных средств военной коммуникации и одновременно носителей этнокультурной специфики.

Предложенный интегративный подход к анализу ситуативных клише способствует развитию теории фразеологии, прагмалингвистики и лингвокультурологии. Результаты исследования вносят вклад в изучение институционального военного дискурса и его языковых особенностей. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в теории и практике военного перевода, в процессе межкультурной коммуникации военнослужащих разных стран, а также в лексикографической практике при составлении специализированных словарей военной фразеологии. Материалы исследования могут найти применение в образовательном процессе при разработке учебных курсов по военному переводу, стилистике военного подъязыка и межкультурной коммуникации в военной сфере.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении языкового материала и привлечении данных других языков для выявления универсальных и национально-специфических особенностей военных ситуативных клише, а также в более детальном изучении диахронического аспекта их функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суркова Е. В. Военная фразеология в трактате «О войне» К. фон Клаузевица // Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108). С. 178–185.
2. Суркова Е. В. Когнитивные основы военной фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 583–587.
3. Бойко Б. Л. Военная лексика и фразеология сетевой информации об учениях “Defender Europe 2021” (на материале немецкого языка) // Военно-филологический журнал. 2021. № 2. С. 14–22.
4. Гиляева Э. Н., Базарова Л. В., Хайруллина Д. Л. Профессионально маркированные фразеологизмы (терминологизмы) как результат процесса детерминологизации (на примере немецкоязычного научного дискурса) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 146–149.
5. Королева М. Ю. Способы образования сложнопроизводных военных терминов в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83.
6. Coulmas F. Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1981. 262 S.
7. Lüger H. Pragmatische Phraseme – Routineformeln // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / hrsg. H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N. R. Norrick. Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 444–459.
8. Melčuk I. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives / eds. M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, & R. Schreuder. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 167–232.
9. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
11. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии: краткий курс. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 307 с.
12. Gläser R. Phraseologie der englischen Sprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. 201 s.
13. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
14. Саниева А. Ю., Сидорова Н. А. Исследование конфликтного военно-политического дискурса в коммуникативном пространстве различных лингвокультур // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53.
15. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: ЯСК, 2024. 280 с.

REFERENCES

1. Surkova, E. V. (2024). Military Phraseology in C. von Clausewitz’s Treatise “On War”. In: *Political Linguistics*, 6 (108), 178–185 (in Russ.).
2. Surkova, E. V. (2024). Cognitive foundations of military phraseology. In: *Cognitive Studies of Language*, 5 (61), 583–587 (in Russ.).
3. Boyko, B. L. (2021). Military vocabulary and phraseology of online media covering the defender-Europe 2021 (as exemplified in German). In: *Journal of Military Philology*, 2, 14–22 (in Russ.).
4. Gilyaeva, E. N., Bazarova, L. V. & Khayrullina, D. L. (2021). Professionally marked phraseological units (phraseological terminological units) as the result of determinologization (based on the German scientific discourse). In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (155), 146–149 (in Russ.).
5. Koroleva, M. Yu. (2023). The ways of compound derivative military terms formation in the English language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 71–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-71-83 (in Russ.).
6. Coulmas, F. (1981). *Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik*. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion.

7. Lüger, H. (2007). Pragmatische Phraseme – Routineformeln. In: *Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Vol. 1*. Berlin: Walter de Gruyter, S. 444–459.
8. Mel'čuk, I. (1995). Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 167–232.
9. Iordanskaya, L. N. & Melchuk, I. A. (2007). *Meaning and compatibility in the dictionary*. Moscow: Ya-zyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.)
10. Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects*. Moscow: Shkola "Ya-zyki russkoy kultury" publ. (in Russ.)
11. Baranov, A. N. & Dobrovolsky, D. O. (2013). *Fundamentals of Phraseology: a short course*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.)
12. Gläser, R. (1986). *Phraseologie der englischen Sprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
13. Karasik, V. I. (1998). On the categories of discourse. In: *Language personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Moscow: Peremena publ., pp. 185–197 (in Russ.)
14. Sanieva, A. Yu. & Sidorova, N. A. (2025). The research of the conflict military and political discourse implemented in the communicative space of different linguistic cultures. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S 1, 43–53. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-43-53 (in Russ.)
15. Baranov, A. N. & Dobrovolsky, D. O. (2024). *Essays on General and Russian Phraseology*. Moscow: YaSK publ. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суркова Екатерина Вячеславовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка (основного) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0001-8497-1215>; e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Surkova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of English (first language), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0001-8497-1215>; e-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru